

DOI: 10.17805/zpu.2015.4.4

Концептуальные средства анализа российской культуры

Н. Н. Федотова

(Московский государственный институт международных отношений МИД России)

В России сегодня много делается важного и значимого для ее будущего. Но вместе с тем официально признаны падение культурного уровня в условиях распространения массовой культуры, недостаточность культурного и символического капитала, незнание истории своей страны, ее достижений и тех распространенных в мире продуктов духовной и материальной культуры, авторство которых принадлежит России. Это относится не только к повседневности, к публичному пространству, но и к научной деятельности, в которой не осуществлена систематизация категориального аппарата исследований культуры.

Показывается, что наукой мало изучены способы исследования и методологии анализа культуры как ресурса развития. Дается анализ культурных ресурсов российского развития, выявленных на основании комплексного исследования и применения мало известных или недостаточно используемых категорий «прецедентные феномены культуры», «культурный и символический капитал», «российская идентичность и ее процессуальный характер», «коды культуры», «константы культуры», «мягкая мощь». В статье предпринята методологическая попытка исследования и систематизации этих категорий.

Подчеркивается, что проанализированные категории взаимосвязаны и позволяют найти меру соотношения конструктивистской переделки культуры и сохранения ее основополагающих основ. А значит, они могут рассматриваться как новый аппарат исследования культуры и работы с ней.

Ключевые слова: прецедентные феномены культуры; культурный капитал; символический капитал; российская идентичность; процессуальный характер идентичности; коды культуры; константы культуры; мягкая мощь

ВВЕДЕНИЕ

Ряд разрозненно существующих категорий, принципиально важных для анализа культуры, недостаточно известны или мало применяются в России. Среди них коды культуры, процессуально понятая идентичность, культурный и символический капитал, константы культуры, прецедентные феномены культуры, мягкая мощь являются недостаточно разработанными. Коды культуры мало применяются при исследовании общества, как и прецедентные феномены культуры. Идентичность достаточно хорошо исследована, но ее процессуальный характер почти неизвестен, а из-за этого затруднено применение этого концепта к продолжительным историческим периодам. Культурный и символический капиталы, как правило, рассматриваются в отрыве от задач развития. Константы культуры практически не используются при изучении изменений. О мягкой мощи сегодня говорят, но в отсутствие комплексного анализа категорий культуры это понятие повисает в воздухе, поскольку оно само по себе не характеризует привлекательность страны, а требует формирования привлекательных идей, достижений, результатов.

Однако знание российских прецедентов, ее культурного и символического капитала, понимание процессуальной природы ее идентичности, кодов культуры, констант культуры, использования мягкой мощи принципиально значимо для России, и не толь-

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект «Социально-философский анализ культурных ресурсов российского развития», грант № 15-03-00732).

The article was prepared with financial support from Russian Foundation for the Humanities (grant No. 15-03-00732 “Cultural Resources of Russian Development: Socio-Philosophical Analysis”).

ко для создания позитивного имиджа России внутри страны и за рубежом, к чему обычно сводится проблема, но и для объективных позитивных преобразований. Задачей статьи является анализ культурных ресурсов российского развития, выявленных на основании комплексного исследования и применения мало известных или недостаточно используемых категорий.

КОДЫ И КОНСТАНТЫ КУЛЬТУРЫ

Обратимся к более подробному анализу категорий, имеющих значение для достижения комплексного подхода к культуре как к ресурсу развития.

Резервом для возможностей исследования российской культуры являются концепции кодов культуры Э. Шилза и Ш. Айзенштадта, которые позволяют исследовать естественные, примордиальные качества народа, его гражданские и сакральные (трансцендентные) свойства (Ш. Айзенштадт) и индивидуальные особенности (Э. Шилз).

На наш взгляд, исключительно важным в методологическом отношении является введенное американским социологом Э. Шилзом понятие типов связей между людьми, которые впоследствии успешно использовал Ш. Айзенштадт, переинтерпретировав их как коды коллективной идентичности или коды культуры. Э. Шилз выделил четыре таких кода — примордиальный, персональный, гражданственный и сакральный (трансцендентный) (Shils, 1957). Они выступают типами новых связей между людьми, т. е. механизмами, способными удержать людей вместе и поддержать солидарность в стремительно индивидуализирующемся обществе при его переходе из традиционного состояния в современное. Ш. Айзенштадт отбросил код персональности и исследовал три других кода для характеристики коллективной идентичности, поскольку именно последняя воспринималась им как важнейшая проблема (Eisenstadt, 2003). От ее понимания во многом зависело понимание и кода персональности.

По мнению Айзенштадта, «конструирование коллективной идентичности формируется, как и большинство сфер социальной активности, четкими кодами, укорененными в онтологических и космологических предпосылках и концепциях социального порядка, которые существуют во всех обществах» (там же: 79). Конструирование коллективной идентичности с помощью этих трех кодов включает в себя определение отличий от других коллективов («свои — чужие»), определение критериев членства в данной общности (кто «мы»?) и атрибуты сходства членов этого коллектива (что общего у «нас»?). Тем самым формируется особый способ поведения, свойственный членам какой-либо одной группы (например, английский джентльмен или цивилизованный человек) в отличие от «чужой» группы.

Каждый из кодов определяет границы коллективности и типы поведения, распределение экономических ресурсов и регулирование властных отношений. Все коды, полагает Ш. Айзенштадт, являются идеально-типическими конструкциями, т. е. не встречаются в чистом виде в действительности, а выступают как абстрактные аналитические модели, имеющие важное методологическое значение.

Примордиальный код включает такие компоненты, как родство, территория, язык, раса, гендер, поколение. Они используются для конструирования и легитимизации границы между внутренним и внешним, своим и чужим. При этом, несмотря на то что эти границы являются результатом социального конструирования, они воспринимаются как исходно данные. Иными словами, в восприятии примордиальных природных качеств Айзенштадт видит и конструктивные аспекты, что впоследствии было подтверждено как исследованиями, например, Ю. Кристевой, приведшими к радикально-

му конструктивизму в области гендера (The Kristeva reader, 1986), так и исторической практикой перестройки систем родства, территорий, языка, гендера и поколений, свидетелями чего мы являемся.

Код гражданственности или гражданского сознания конструируется на основе знания имплицитных и эксплицитных правил поведения, традиций и социальных практик, которые определяют и ограничивают пределы той или иной коллективности. Эти правила считаются основополагающими для коллективной идентичности. Примером этого является различие «свой — чужой» в плане особенностей групп, обладающих разными социальными и политическими характеристиками.

Код сакральности или трансцендентности связывает созданные границы между «нами» и «ими», «своими» и «чужими» не с естественными условиями, а «с особыми отношениями коллективного субъекта к области сакрального, возвышенного, определяемого как бог, как разум, как прогресс или как рациональность» (Eisenstadt, 2003: 80; пер. наш. — Н. Ф.). Проблема роли сакрального кода в формировании идентичности дает ответ на вопрос о различиях этнических, культурных идентичностей, которые сохраняются в сетях памяти и кодах культуры и различают этносы, народы и культуры.

Действие кодов может быть обнаружено в обществах любых типов, начиная с архаических. Конструирование коллективной идентичности, осуществляемое в обществе, по мнению Айзенштадта, приводит к некоторой комбинации этих кодов, постоянно напряжению между ними, а также к их переструктурированию в ходе истории.

Содержание этих кодов не оставалось неизменными на протяжении истории, хотя все они сохранились в качестве типа связи между людьми и продолжают действовать в этом качестве. Даже казавшиеся вечными примордиальные компоненты не оказались данными раз и навсегда, а определяются и переопределяются заново в разные исторические периоды и зависят от разных социокультурных факторов. Однако их изменения не упраздняют существования самого кода примордиальности, а, напротив, делают его принципиально важным в решении вопроса о границах как естественной эволюции, так и конструктивистской переделки.

Как показал Ш. Айзенштадт, частью процесса конструирования коллективной идентичности выступает постоянное реконструирование примордиальности. Кроме этого, можно добавить, что изменение содержания примордиального кода происходит вместе с изменением двух других кодов. Особенностью примордиального кода является его постоянное возобновление в формах этничности и национализма (там же: 80). Изменения проистекают и из-за растущей веры человека в возможность переделки природы человека, вызвавшую бурный конструктивистский поворот в отношении ранее казавшихся исключительно неизменными примордиальных факторов.

Концепция кодов культуры позволяет характеризовать состояние коллективной идентичности и российской культуры в целом на разных этапах развития страны. Каждый период будет определяться «взаимной игрой» трех названных кодов, конфигурацией их взаимодействия, «силой» или удельным весом кодов, их соотношением, наличием или отсутствием доминирующего кода, конфликтностью между кодами и их меняющимся содержательным наполнением. Будучи элементами коллективной идентичности, эти коды являются важнейшим культурным ресурсом развития страны.

Специфические конфигурации кодов создают представление о культурных константах, прецедентных феноменах культуры, символическом и культурном капитале и мягкой мощи культуры.

Константы культуры, как мировой, так и российской, были исследованы академиком Ю. С. Степановым. Обратимся к его работе «Константы. Словарь русской культуры», в которой систематизируются ценности русской культуры. В словаре представлены понятия или концепты русской культуры, количество которых «невелико, четыре-пять десятков, а между тем сама духовная культура всякого общества состоит в значительной степени в операциях с этими концептами» (Степанов, 1997: 7). Эти концепты рассматриваются как константы. Автором словаря отобраны только те понятия, которые постоянны и устойчивы. Константой является «концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» (там же: 76), «постоянно присутствующий концепт» (там же: 77) и «устойчивые концепты культуры» (там же: 78). К константам относятся такие средоточия напряженности русского поля, как «свои» и «чужие», Русь, Россия, русские, россияне, родная земля, странники и изгнанники, время, вечное, вечность, сущность, быть, существовать, закон, беззаконие, Кашей Бессмертный, Баба-Яга, вера, воля, грех, страх, грусть, печаль, язык и др. Однако, как замечает Степанов, «“константы” в этом смысле не значит “предвечные” — когда-то их не было, но с тех пор, как они появились, они есть всегда» (там же: 7). Вместе с тем автор находит в константах возможность для трансформации содержания: «“Константы” <...> не значит также и “неизменные”» — в них есть неизменная и переменная части» (там же). Это созвучно кодам культуры и идентичности, рассмотренным ранее, в которых, с одной стороны, код сакральности является наименее изменяющимся во времени полюсом стабильности, а гражданский в сравнении с ним в большей мере склонен к изменениям. А с другой стороны, в самих кодах как сакральности, так и гражданственности есть элементы, которые либо тяготеют к полюсу устойчивости, либо способны к трансформациям.

Объем статьи не позволяет проанализировать все многообразие констант. Коснемся здесь для примера только константы «свои — чужие», значимой на протяжении всей российской истории. Противопоставление «свои» и «чужие», являющееся базовой характеристикой любой культуры и связанной с ней идентичности, по мнению Степанова, «пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения. В том числе, конечно, и русского» (там же: 472). В. А. Иноземцев солидарен с подобной позицией: «Но что представляет собой сама культура? Отвечая на этот вопрос, обычно называют ряд признаков, подчеркивающих различия между людьми, которые принадлежат к разным сообществам, между “нами” и “ними”, “близкими” и “чужими”. Поэтому не приходится удивляться, что понятие “культура” сплошь и рядом используется для поиска различий, а не сходства; обоснования особенности, а не единства; утверждения частных претензий, а не равного отношения к любому человеку» (Иноземцев, 2003: VII).

Значимость константы «свои — чужие» для российской самоидентификации рассматривают британские исследователи из университета Кембриджа С. Франклин и Э. Уиддис, авторы книги «Национальная идентичность в российской культуре: Введение». Они показывают, что концептуальные инструменты самоидентификации, которые используются в России, часто являются заимствованными и адаптированными к российской специфике: «Со времен принятия христианства в конце десятого века, через Просвещение восемнадцатого века к идеям, взятым из романтизма или марксизма, и далее к рыночному капитализму и глобализации: кажется, что россияне периодически пытались найти свое место и переопределить его на концептуальных кар-

тах, исходно разработанных другими людьми и для других людей и для других мест. Это может быть верно даже в буквальном смысле. В русском языке, например, Иерусалим является частью “Ближнего Востока”, несмотря на то что он находится чуть западнее Москвы: в этой метафорической географии как будто сам язык исходит из Западной Европы. В определенном смысле российские дискурсы идентичности формируются в предполагаемом диалоге с теми, кто находится за пределами России» (Franklin, Widdis, 2006: 5; пер. наш. — Н. Ф.).

Один из самых известных западных исследователей России — директор Библиотеки Конгресса Дж. Биллингтон в работе «Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры» выделяет три константы российской культуры: «Почти для всей русской культуры характерно ощущение некоего единства... <...> Обращаясь к истории русской культуры, возможно, имеет смысл уделять больше внимания ее движущим силам (константам культуры. — Н. Ф.), чем тем формам, в которых она предстает. <...> три фактора — природная среда, христианское наследие, контакты с Западом — заявляют о себе в большей мере, чем те явления, которые ими определяются» (Биллингтон, 2001: 25). И далее: «Наряду с природой и верой существует и другая мощная сила — влияние Запада. В течение всего рассматриваемого периода взаимодействие с Западом было важнейшим фактором русской истории. Русские постоянно стремились определить характер этого отношения и, как правило, искали такой исторический рецепт, который позволил бы им что-то перенять у Запада и в то же время сохранить свое отличие от него» (там же: 26). Как видно из приведенной цитаты, Биллингтон также указывает на значимость константы «свои — чужие» в отношениях России с Западом, возникшей с начала подъема Запада, для определения специфики российской культуры и ее идентичности. Известный российский историк А. И. Уткин в книге «Вызов Запада и ответ России» (Уткин, 2005) прослеживает особенности российского развития и культуры в контексте понятий «вызова и ответа», предложенных А. Тойнби. Размышления об отношениях России с Западом выступают как константа российской культуры, демонстрирующая работу всех трех кодов культуры, введенных Ш. Айзенштадтом.

ПРЕЦЕДЕНТЫ КУЛЬТУРЫ, КУЛЬТУРНЫЙ И СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Понятие «прецедент культуры» иногда используется в филологии и литературоведении, где он трактуется как первичный опорный образец, превращающийся в скрепу различных культурных пластов. К числу прецедентных российский филолог В. В. Красных относит феномены, которые хорошо известны представителям какой-либо культуры, так как, во-первых, «имеют некий, общий, обязательный для всех носителей данного ментально-лингвального комплекса, национально-детерминированный и минимизированный инвариант его восприятия» (Красных, 1997: 9). Во-вторых, они функциональны в познавательном и эмоциональном плане, поскольку за прецедентным феноменом «всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета, или инвариант его восприятия, который и делает все апелляции к прецедентному феномену “прозрачными”, понятными, коннотативно окрашенными» (там же). В-третьих, одним из главных признаков прецедентных феноменов является постоянное обращение к ним в речи: «“возобновляемость” обращения к тому или иному прецедентному феномену может быть “потенциальной”, т. е. апелляция к нему может и не быть частотной, но в любом случае она будет понятна собеседнику без дополнительной расшиф-

ровки и комментарий (иначе это будет апелляция не к прецедентному феномену)» (там же). Однако сведение прецедентных феноменов культуры к известным и значимым только для того лингвокультурного сообщества, в рамках которого они и были выработаны, на наш взгляд, сужает аналитические возможности этой категории. Скорее, понятие «прецедент» позволяет идентифицировать национальное авторство культурного элемента, если оно неизвестно.

Понятие «прецедента культуры» применяют филологи и литературоведы Н. А. Голубева, Л. И. Гришаева, Д. Б. Гудков, Г. В. Ковалев, В. В. Красных, Ю. А. Сорокин, трактующие, как отмечено, прецедент как первичный опорный образец, скрепу различных культурных пластов, анонимное авторство литературного произведения, вводя его в отечественный контекст.

Прецедент в юридической отечественной и зарубежной литературе, особенно в странах прецедентного права, подробно освещен в специальной юридической литературе как случай, который дает возможность оценить другие сходные случаи в будущем.

Прецедент — это сегодня одновременно фактор осмысления культуры, а также путь восприятия нового в культуре как части социокультурного порядка. Т. В. Шарнаускене отмечает: «...прецедент — это конкретно-историческое, индивидуальное (имеющее авторство) событие, принятое в данной культуре, дающее основание для формирования традиции. Прецедент рассматривается как средство удержания культурной преемственности, воспроизведения с опорой на достигнутое в прошлом, повторения ранее найденного, трансформирования однажды апробированного образца в настоящем и будущем. Поиск, формулировка найденного прецедента совпадают с его осмыслением, освоением, с развитием способности человека к познанию, формированию новых смыслов, в частности, в использовании накопленного богатства сложившейся культуры для формирования новых знаний, теоретического конструирования, осмысления общественных процессов. <...> Все инновации в культуре, по крайней мере в тенденции, проявляются как прецедентные феномены, т. е. как предпосылка последующих мыслительных операций, в конечном итоге, формирования эффективных решений» (Шарнаускене, 2012: 10).

Однако вместе с тем не следует сводить прецедентные феномены культуры исключительно к тем феноменам, которые являются ресурсом российского развития. Кроме вышеуказанных характеристик, имеющих позитивное значение, сформировались и многие негативные черты, которые также стали прецедентными, т. е. теми, по которым узнают Россию. К ним можно отнести как отмечаемые практически во всех критических работах высокий уровень коррупции, алкоголизм, так и в меньшей мере излишнее долготерпение, слабую развитость гражданского общества, недостаточный для успешного развития общества нынешний уровень доверия и солидарности, негативную идентичность, отсутствие базового консенсуса по поводу ценностей и др. Поэтому прецеденты культуры не являются однозначно позитивно поддерживающими российскую культуру и формирующими культурный и символический капитал России. Так, рассмотренные выше отношения «свой — чужой», «Россия — Запад» также выступают как прецедентные формы российской культуры, раскрывающие типичные антиномии российского общества и российской ментальности.

Понятие о внеэкономическом капитале — человеческом, социальном, культурном, символическом и др. возникло на Западе в работах Р. Патмэна, Дж. Коулмена, было развито П. Бурдьё, Д. Халперном, Ф. Фукуямой и другими. В России эта методоло-

гия была освоена позже в работах В. В. Радаева, Л. А. Беляевой, Н. И. Тихоновой, Л. Н. Федотова и сегодня уже достаточно разработана.

Концепция культурного и символического капитала была введена французским социологом П. Бурдьё для характеристики внеэкономических ресурсов, которые при определенных обстоятельствах могут быть конвертированы в «настоящий» экономический капитал. Культурный капитал проявляется в образовании, которое получено индивидом, знаниях и навыках и общем уровне образованности. Культурный капитал означает те культурные ресурсы, обладание которыми их носителем приводит к повышению его карьерного статуса и репутации. Символическая форма капитала связана с престижем, репутацией и уважением, которое не в последнюю очередь зависит от имеющихся культурных ресурсов.

В данной статье мы расширяем понятие культурного и символического капитала, переводя их в категории макроанализа, т. е. делая их пригодными для характеристики не только индивида и социальной группы, но и страны в целом. Кроме того, мы полагаем, что, исходя из целей нашего исследования, следует включить в содержание культурного капитала не только ресурс образования, но также и культуру страны.

Культурный капитал России значителен. Американский исследователь российской культуры Н. Ржевски в книге «Кембриджское руководство по современной российской культуре» показывает, что российская культура акцентирует внимание на внеэкономических свойствах человека в отличие от возобладавшей в западной культуре идее западного человека: «Опыт России содержит главный нарратив — и не только нарратив, но и реальных женщин, мужчин и их действия, — определяющий идею личности в ее взаимодействии с другими, подчеркивающий неизбежность обязанностей и ответственности личности и бросающий вызов таким современным определениям и системам, в которых человеческий индивид сводится к экономическому статусу, расе, полу или телу» (Rzhevsky, 2002: 15; пер. наш. — Н. Ф.).

К. Штёльцль, историк и преподаватель менеджмента в сфере культуры Свободного университета Берлина, показывает, что напряжение между славянофилами и западниками со времен Екатерины «привело к тому, что русская философия, литература и музыка, самое позднее с начала XIX века, начала вызывать восхищение на западе Европы. Не в последнюю очередь из-за расцвета литературного языка, которому практически на пустом месте удался эстетический взлет, удививший Западную Европу. С появлением Пушкина русская литература вдруг встала в уровень с Гете, Шиллером и Гейне, с Байроном и Шелли. Затем масштабное шествие продолжалось. Толстой произвел переворот в том, что касается исторического и общественного романа. <...> Творчество Тургенева становится образцом для всех европейских семейных историй, Достоевский задает Западной Европе радикальные моральные вопросы о душе, Чехов выдвигает современное “Я” в центр литературного творчества невиданным ранее образом, Горький становится основоположником социально-критической драмы в Европе. Томас Манн часто признавался в том, что роман “Будденброки” обязан своим появлением великим русским писателям. В XX веке их влияние не прерывалось: Набоков и Булгаков, Пастернак, Маяковский, Цветаева, Солженицын. <...> Каждый знает, что “Большой” значил в мире танца. <...> Так же как и в случае с Пушкиным, в XIX веке в лице Чайковского практически из ничего появляется композитор, который довел до совершенства европейскую музыку, не прибегая к творческому разрушению форм, которое представляло собой миссию Рихарда Вагнера. Продолжение следовало: от Мусоргского до Римского-Корсакова, Скрябина, Рахманинова и Про-

кофьева до Стравинского, Шостаковича и немца с Волги Шнитке. Прощание с тональностью, в XX веке стоившее прогрессивной западноевропейской музыке симбиоза с публикой, русские не переняли — и они переживают сегодня триумф в концертных залах Европы. Революционный художественный авангард Европы до 1914 года обязан русским решающим импульсом. Никто не был Европе таким радикальным, амбициозным и решительным, как молодое поколение мыслителей, художников и коллекционеров. Шаг в направлении абстрактного искусства вначале сделали русские, конструктивизм праздновал первые победы в Санкт-Петербурге и Москве» (Штёльцль, 2015: Электронный ресурс). Мы приводим эту длинную цитату, чтобы показать значительный ресурс культурного и символического капитала, получивший высокую оценку российской культуры со стороны.

Проблемой, однако, является то, что символический капитал (престиж) российского культурного капитала в самой России недооценен. Н. Ржевски отмечает наличие новых вызовов, которые стоят перед российской культурой, главным из которых является глобализация. Этот вызов заключается, по его мнению, не в привычном релятивизме XX века, а в потере памяти, подрыве цивилизационных достижений в результате не просто разочарования или аналитического отрицания прошлого, а его забвения. Это происходит во всем мире: в таких условиях «национальная гордость и культурный этос превращаются в расизм и племенную замкнутость, развал морали отражается в разгуле преступности, ощущение, что вульгарное и физическое — зацикленные на материальном девочки и мальчики из популярной культуры — именно то, чем мы на самом деле являемся; brutальные манипуляции экономических систем, которые отвергают немощных и пожилых, являются частью этой культурной амнезии, поощряемой быстротечностью и упрощениями средств массовой коммуникации конца двадцатого века и отмеченной игнорированием сложных уроков прошлого» (Rzhevsky, 2002: 15; пер. наш. — Н. Ф.). В XXI веке эта тенденция не потерпела позитивного перелома и получила распространение в странах незападного региона. В этих условиях, заключает Ржевски, для противостояния негативным тенденциям России необходимо обратиться к разнообразию собственных культурных основ, осмыслению границ российской культурной идентичности и разнообразных влияний на нее извне, плодотворному союзу российской высокой и массовой культуры, а также сложным дискуссиям по поводу ценностей и идей, способных дать смысл жизни (там же). Происходит это и из-за того, что российская модернизация трактуется как технико-экономический процесс, в котором культуре отводится незначительная роль или роль тормозящего развитие фактора.

Таким образом, задачей России становится обращение к собственному культурному капиталу, творческое переосмысление и «изобретение традиций», поддерживающих культурный капитал сегодня. Под «изобретением традиции» (The invention of tradition, 2000) — термином, введенным Э. Хобсбаумом, понимается способность к выбору в истории общества тех традиций, которые ему более адекватны в настоящее время и которые могут быть доконструированы, сконструированы и изобретены. Так, в работе «Изобретение традиции» обсуждается пример, что шотландские юбки (килты) не были введены шотландцами. Это не одежда шотландских горцев, ее придумал английский промышленник, который заимствовал традиционную одежду шотландцев — накинутый на печи и подпоясанный плед, укоротив его и отделив нижнюю часть от верхней. Такое изменение было удобно для фабричного труда и помогло этому промышленнику привлечь на производство местных горцев (там же). Изобретение

традиций — постоянный процесс. Это часть процесса создания нового государства, формирования нации, и часть отказа от прежних устаревших форм культурного опыта. В России за ее тысячелетнюю историю, и особенно с началом модернизации Петром I и до сих пор, при прохождении первого, второго и третьего модерна (Федотова, Колпаков, Федотова, 2008) конструируются многочисленные новые традиции. Типичным примером изобретения традиции является проект создания георгиевской ленточки в 2005 г. (которая впервые появилась в 1769 г. как часть наградного комплекта, состоящего из ордена Святого Георгия, Георгиевского креста или Георгиевской медали и ленты). В современной России она завоевала любовь народа и стала символом не только победы в Великой Отечественной войне, но и всех достижений России.

Российскую культуру можно охарактеризовать как «сильную». П. Бергер так объясняет ее смысл: «По способности к творческому приспособлению культуры отличаются друг от друга. В этой связи можно воспользоваться градацией культур на “сильные” и “слабые”, предложенной Сэмюэлем Хантингтоном (хотя важно подчеркнуть, что это описательные категории, а не оценочные суждения). Культуры стран Восточной и Южной Азии, особенно Японии, Китая и Индии, явно относятся к разряду “сильных”, в то время как африканские культуры и культуры некоторых европейских стран — к относительно “слабым”» (Многоликая глобализация, 2004: 18–19). Сильные и слабые культуры отличаются разной способностью к творческому приспособлению: сильные культуры имеют сильную способность культурного влияния, а у слабых культур влияние невелико. Можно утверждать, что ресурс российской культуры значителен, и она может быть описана как «сильная».

Цитаты, приведенные в данном параграфе, показывают силу российского культурного и символического капитала, сформированного прецедентными феноменами российской культуры (хотя мы намеренно ограничили область культурного капитала, исключив в данной статье из нее науку). Эти прецедентные феномены, в свою очередь, являются следствием особых сочетаний сакрального, гражданского и примордиального кодов культуры и идентичности, а также являются проявлением присущих российской культуре констант.

МЯГКАЯ МОЩЬ

Мягкая мощь (гибкая власть) — понятие, введенное американским исследователем Дж. Наем для того, чтобы показать «способность добиваться желаемых результатов, в большей степени привлекая, нежели принуждая других» (Най, 2006: 106), которая возникает «из привлекательности культуры той или иной страны, ее политических идеалов и политики» (там же: 18). То есть мягкая мощь — это власть привлекательности, в основе которой лежат три группы ресурсов, заключенные в «ее культуре (в тех странах, где она привлекательна для других), ее политических ценностях (когда она действует согласно им у себя дома и за рубежом) и внешней политике (когда она рассматривается как легитимная, имеющая моральный авторитет)» (там же: 37–38). Мягкая мощь особенно сильна, когда работают все три ресурса, но этого редко удается достичь.

Культуру Дж. Най рассматривает как комплекс ценностей и практик и выделяет в ней две области — обращенную к элитам высокую культуру, к которой относятся литература, искусство, образование, и популярную культуру, которая занимается массовым развлечением. Обе эти культуры могут выступать как ресурс мягкой мощи: «...когда культура страны включает в себя универсальные ценности, и политика этой страны продвигает эти ценности и интересы, которые разделяют и другие, она уве-

личивает возможность достижения своих желаемых целей за счет создания связи между привлекательностью и уважением» (там же: 38). Поэтому «узкие» ценности и «ограниченные» культуры в меньшей степени способны продуцировать гибкую власть» (там же).

К странам с универсалистскими культурами Най относит американскую культуру, которая на уровне как высокой, так и массовой культуры распространяется повсюду. Средством усиления американской привлекательности на уровне высокой культуры служат академические, научные и культурные контакты и обмены среди элит. В отличие от высокой культуры популярная культура добирается до большего числа людей, поэтому она оказывает более сильное воздействие. Привлечение через поп-культуру помогло США в достижении политических целей в восстановлении и демократизации Европы после окончания Второй мировой войны. Поп-культура, цитирует Най доклад ведущего исследовательского центра «Пью ресерч», «придала новые жизненные силы европейским поствоенным культурам своим элементарным пониманием свободы, раскрепощенностью, жизненностью, современностью и молодостью. <...> Подчинение диктату рынка и бизнеса в то же время содержало в себе некий элемент освобождения от смирительной рубашки традиционных обычаев и норм» (там же: 82).

Роль поп-культуры сегодня настолько значительна, что из-за нее США выглядят «волнующей, экзотической, богатой, мощной, формирующей направления развития страной — передним рубежом современности и инноваций» (там же: 39), цитирует Най американского исследователя Н. Розендорфа, изучавшего роль, которую играют США в условиях глобализации. Кроме этого, «поп-культура также создает образ американских ценностей, которые открыты, мобильны, индивидуалистичны <...> и свободны» (там же: 80). В целом, например, в Европе сегодня восхищаются следующими аспектами американской культуры: ее технологическими и научными достижениями, американской музыкой, фильмами, телевидением, идеями в области демократии, методами ведения бизнеса и распространением американских идей и обычаев (там же: 107).

Най считает, что Россия обладала культурной привлекательностью в советский период благодаря коммунистической идеологии, способности противостоять и победить нацистскую Германию, противостоянием европейской колониальной системе. Высокая культура России и СССР в то время вызывала всеобщее восхищение, равно как и образовательная система. Балет, симфонические оркестры, классическая музыка, наука и технологии, успехи в космосе, спортивные достижения были широко известны и становились важным элементом мягкой мощи. Однако в области поп-культуры, отмечает Най, ситуация была иной: «Советский Союз проигрывал битву за массовую культуру и никогда не мог составить конкуренцию Америке в области кинематографии, телевидения или поп-музыки в их влиянии на мир... <...> Американская музыка и американские фильмы просачивались <...> и оказывали значительное воздействие, в то время как истинно советская продукция в этой области так и не смогла пробиться на американский рынок. Так никогда и не появился социалистический “элвис пресли”» (там же: 111). По мнению Най, Россия не создала экспортируемой на Запад популярной культуры и сегодня нуждается в повышении своей привлекательности.

Однако полагаться только на поп-культуру нельзя, поскольку она не всегда приводит к усилению привлекательности. Массовая культура, как показывает Най, помогла одержать политическую победу над коммунизмом в Восточной Европе, но не помогла США победить во вьетнамской войне. То есть «она не обеспечивает постоян-

ный и однородный ресурс гибкой силы» (там же: 87). Кроме того, она может приводить в целом к негативным последствиям для политики страны — излучателя этой силы, так как она может оказывать противоречивое воздействие на разные группы населения в пределах одной страны. Например, по свидетельству турецкого журналиста, приводимому Наем, «распространение волны американской поп-культуры главным образом среди “верхнего среднего класса” и на периферии, среди низшего класса турецкого общества, создало <...> некую оппозицию идеологии, которую несет эта поп-культура» (там же: 87).

У способности поп-культуры повлиять и привлечь есть и другие пределы. Влияние поп-культуры США зависит от двух других ресурсов мягкой мощи: при определенных обстоятельствах американская внутренняя и внешняя политика могут уменьшить привлекательность этой культуры для других стран. Кроме того, поп-культура может впоследствии приесться иностранной аудитории и стать «менее экзотичной и, следовательно, менее привлекательной» (там же: 88). То есть мягкая мощь зависит от контекста ее осуществления.

Сегодня Дж. Най считает, что Китай и Россия неправильно понимают и используют мягкую мощь. Китай кажется излишне сильным и опасным для своих соседей и нуждается в мягкой мощи, чтобы казаться менее угрожающим. А для Британии и России, которые ослабили свое влияние, мягкая мощь нужна для того, чтобы, как он говорит, «смягчить падение». С его точки зрения, Россия и Китай делают ошибку, считая, что правительство является главным инструментом мягкой мощи, и делают упор на пропаганду, а правительственная пропаганда очень часто не является заслуживающей доверия. «Лучшая пропаганда — это не пропаганда» (Nye, 2013: Электронный ресурс; пер. наш. — Н. Ф.). Рецепт для нас, сформулированный Наем, — производить больше мягкой мощи гражданским обществом, университетами, фондами, неправительственными организациями, поп-культурой. Он показывает, что в США были случаи, когда правительство буквально разрушало мягкую мощь вторжением в Ирак (добавим — и в другие страны), но обществу удавалось поддержать мягкую мощь, свою привлекательность, несмотря на ошибочность американской политики (там же). Вывод о значимости мягкой мощи во всей совокупности ее возможного производства был бы правильным для России.

Прецедентные феномены культуры, коды и константы культуры становятся культурным и символическим капиталом и работают на усиление привлекательности российской культуры за рубежом только при определенных условиях. Культурный и символический капитал может быть в связи с этим потенциальным (не работающим в качестве мягкой мощи) и актуальным (активно использующим мягкую мощь). Понятие «мягкой мощи» показывает возможности и ограничения инструментального использования культуры. Причем, если Най видел мягкую мощь работающей только за границей и не сомневался в привлекательности американской культуры для американцев, то в российских условиях кризиса идентичности, связанного с травмой посткоммунистического развития, повышение привлекательности российской культуры для самих россиян также является задачей.

ПРОЦЕССУАЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Известная американская исследовательница культуры С. Бенхабиб отмечает, что «культура стала общеупотребительным синонимом *идентичности*, ее характерным и определяющим признаком» (Бенхабиб, 2003: 1). Выше мы показали, что то, что

Э. Шилз называл кодами культуры, Ш. Айзенштадт применил к коллективной идентичности. Говорить о российской культуре без рассмотрения российской идентичности невозможно.

Под идентичностью понимается возможность дать ответы на вопросы: «кто мы?», «куда мы идем?», «с кем мы вместе?», т. е. определить свою самоидентичность. Россия — страна, имеющая различные климатические зоны, множество этносов, региональных политических и хозяйственных структур, она является страной федеративного устройства, мультикультурной и многоконфессиональной страной более чем тысячелетней истории. За это время российская идентичность претерпела существенные изменения, сохранив многие свои культурные и исторические коды и константы, выработав прецедентные феномены культуры. Россия является страной многих народов при государствообразующей роли русского народа. На протяжении длительного времени Россия сохраняет отмеченное многообразие народов в рамках единого государства.

Вопрос об идентичности не присущ изначально человеческому опыту и не возникает из этого опыта как самоочевидный факт жизни. Идентичность имеет смысл, «только если вы верите, что можете быть кем-то другим, а не тем, кем вы являетесь; только если у вас есть выбор, и только если он зависит от того, что вы выберете» (Bauman, 2004: 19; пер. наш. — Н. Ф.). Поскольку Россия прошла период феодальной раздробленности, царский, советский периоды и находится в постсоветской стадии, она знает возможности «быть кем-то другим» и находится в фазе становления новой идентичности, потенциально способной вобрать в себя лучшее из прежних.

По мнению американца Р. Сервиса, хорошо знающего Россию, жившего здесь в качестве журналиста, и тем не менее мнению ошибочному, Россия не достигает самоидентичности, стабильной идентичности, чтобы о ней можно было говорить как о тысячелетнем государстве. Изменение ее границ, невозможность непротиворечиво определить русский национальный характер, согласно Сервису, не позволяют фиксировать российскую идентичность (Service, 2003: 350). По его мнению, новая идентичность приходит на смену старой. Новой идентичностью он считает ту, которая отличается от предшествующей. Тем не менее в этих отличиях присутствует преемственность — все то же *государство многообразных народов, все так же русский народ как государствообразующая нация*, все так же антиномии российского развития, хотя их содержание изменилось.

В противоположность позициям, в которых утверждаются разрывы российской идентичности в ее истории, существует разделяемая нами точка зрения, что Россия в течение тысячелетия имела как разрывы, так и преемственность в своей идентичности. Согласно этому мнению русский мир, даже разделенный на княжества, и в уже «собранный» России всегда был миром многих народов и на общегосударственной фазе — цивилизацией многих народов (Некlessа, 2012: 43). Это была идентичность, разорванная поиском пути, переопределением кодов культуры, констант «свои» и «чужие» как характеризующих близость к Западу и расхождение с ним. России имманентно присущи антиномичность, перфекционизм. Все эти характеристики имеют прямое отношение к российской идентичности, входят в ее общую формулу: «Россия проходила сквозь испытания с потерями либо приобретениями, всякий раз драпируя некую непрочитанную идентичность тем или иным временным покровом, ветшавшим и отбрасывавшимся по мере исчерпания обстоятельств» (Проект «Россия» ... , 2012: 18).

Проект «Россия», представленный в исследовательском докладе Группы «ИНТЕЛРОСС — Интеллектуальная Россия», состоит в том, чтобы развить основы проектив-

ной идентичности, формирующей сегодняшней «проект России». В данном проекте России, т. е. ее будущему, отводится ведущее место творческим возможностям народа: «Зазор между европейской цивилизованностью и российской культурой почему-то является фактором, характерным для национальной идентичности. Временами он оказывается своеобразным капканом, но порою — источником энергии и творчества» (там же: 21). Тогда, видимо, когда мы не теряем самоуважение, умеем разглядеть специфику нашей идентичности, в том числе ее специфической европейскости, тогда, когда мы не теряем самопонимания роли мира многих народов в своей идентичности и государствообразующее значение русской нации, дающее основание для гражданской идентичности всех народов.

По мнению выдающегося британского социолога З. Баумана, для глобализирующегося мира было бы важнее говорить об *идентификации*, как «никогда не заканчивающейся, всегда незавершенной, неоконченной, открытой в будущее деятельности, в которую все мы по необходимости либо сознательно вовлечены» (Бауман, 2002: 192). В отличие от идентичности как достигнутого состояния, он говорит об идентификации как способной быть процессом, создающим меняющуюся, но имеющуюся идентичность (там же: 192).

По мнению другого известного специалиста по проблеме идентичности критика модерна Р. Дженкинса, человек проходит стадии развития идентичности, чтобы ответить на вопрос, кто он (Jenkins, 2004: 3). По мнению модерниста Э. Гидденса, «идентичность человека не нужно более искать ни в его поведении... ни в реакциях других. <...> Индивидуальная биография <...> должна непрерывно интегрировать события, которые произошли во внешнем мире, и складывать их в текущую “историю” личности» (Giddens, 1991: 54; пер. наш. — Н. Ф.). Идентичность воспринимается как концепт, который придает смысл индивидам, социальным группам, обществу и культуре. Уже упомянутые исследователи С. Франклин и Э. Уиддис полагают, что российская культура характеризуется «*согласованием* влияния, взаимоотношением с “другим”, как реальным, так и воображаемым» (Franklin, Widdis, 2006: 5; пер. наш. — Н. Ф.). Поэтому «постоянная конкуренция моделей и рамок идентичности является частью культурного процесса, который и называется *русийскость*» (там же: 6).

Мы понимаем идентичность как складывающуюся в ходе непрерывного процесса идентификации. Нами вносится в изучение идентичности идея необходимости процессуальной теории идентичности (Федотова, 2012, 2013, 2014). В качестве одного из элементов этой теории выступает *нелинейная динамика идентичности, отображающая континуум изменений. Его полюсами выступают, с одной стороны континуума, весьма устойчивая идентичность и, с другой его стороны, идентичность, меняющаяся, неустойчивая, даже близкая к разрушенной, но направленная к обретению своей новой сущности. Так поддерживается процесс непрерывной идентификации. Имеется смысловая и контекстуальная связь многочисленных состояний идентичности, расположенных на этом континууме*. Человек, сообщество, группа, страна находятся в своего рода процессе жизненного путешествия по континууму идентичностей, на одном конце которого находятся стабильные идентичности, а на другом — меняющиеся, крайне неустойчивые. Выбор осуществляется не одномоментно, а в течение всей жизни человека, сообщества, группы, страны.

Новизна нашего подхода состоит в том, что он с его помощью адекватен концепции процессуального характера идентичности. Согласно этой концепции существует континуум, в котором располагается диапазон изменений идентичности, значимость

исторической памяти, существования настоящего, возможность обращения в будущее. *На этом континууме и происходит пожизненное непрерывное формирование идентичности как смысла себя. Оно понимается как новое процессуальное определение идентичности:* в соответствии с процессуальной теорией идентичности последняя выступает как непрерывный процесс обретения «смысла себя», сохранения смысловых ориентаций.

На наш взгляд, утопичность устойчивости идентичности сегодня, в неустойчивом, нелинейно меняющемся социуме, не означает того, что понятие идентичности сегодня не нужно. Напротив, все субъекты идентичности находятся в непрерывном процессе ее изменения, разрушения, приобретения и становления и в каждой точке своего существования нуждаются в понимании своей идентичности. Ситуация содержит риски, неустойчивость, минусы и плюсы. В противном случае их ждет потеря самоидентичности, ценностный самораспад, потеря непрерывности биографии. Е. Н. Данилова и В. А. Ядов пишут: «Собственно кризисной идентичностью разумно считать состояние людей, не способных в силу разных причин <...> адаптироваться к меняющимся условиям жизни. В широком же смысле наступает эпоха нормализации неустойчивых социально-идентификационных состояний личности. И процесс этот следует не драматизировать, а принимать как социальный факт» (Данилова, Ядов, 2004: 14) не только отдельному индивиду, о котором они пишут, но и всем носителям идентичности — сообществу, обществу, этносу, народу, стране.

Идентичность, на наш взгляд, — это глубинная духовная характеристика, выработанная человеком, группой или обществом в борьбе с распадом и дезинтегрированностью. Такому пониманию соответствует процессуальный характер обретения меняющейся идентичности, сохраняющей разный, но всегда присутствующий «смысл себя». Человек, группа, сообщество, страны обретают сегодня идентичность в течение всего времени своего существования, сохраняя или не сохраняя преемственность с предыдущим тогда, когда ситуация социальных изменений ставит их в состояние кризиса, когда им приходится переопределять свою идентичность или оказаться в состоянии аномии. Возможность переопределения создает предпосылки для того, чтобы не отбрасывать прошлое, ибо оно встраивается в новую российскую идентичность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье мы рассмотрели *базовые категории исследования культуры* — коды и константы культуры, культурный и символический капитал, прецедентные феномены культуры, мягкая мощь, идентичность. Мы считаем, что систематизированное использование этих категорий создает аналитическую основу для комплексного анализа культуры. Эти категории взаимосвязаны и позволяют найти меру соотношения конструктивной переделки культуры (ее изменения) и сохранения ее основополагающих основ (неизменности), континуума присущей российскому обществу идентичности, а значит — новый аппарат исследования культуры и работы с ней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман, З. (2002) Индивидуализированное общество. М. : Логос. 390 с.
Бенхабиб, С. (2003) Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М. : Логос. 350 с.
Биллингтон, Дж. Х. (2001) Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М. : Рудомино. 880 с.

Данилова, Е. Н., Ядов, В. А. (2004) Неустойчивая социальная идентичность становится нормой // Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения : Материалы Всероссийского научно-методического семинара / под ред. О. А. Оберемко, Л. Н. Ожиговой. Краснодар : Кубанский гос. ун-т. 303 с. С. 8–14.

Иноземцев, В. Л. (2003) Испытание культурой // Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М. : Логос. 350 с. С. VII–XXX.

Красных, В. В. (1997) Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М. : Филология. Вып. 2. 124 с. С. 5–12.

Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире (2004) / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М. : Аспект Пресс. 379 с.

Най, Дж. (2006) Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск : ФСПИ «Тренды». 221 с.

Неклесса, А. И. (2012) Северная Ромея. Рассуждение о русской идентичности // Русская идентичность. Дорога жизни / под ред. Д. Андреева, А. Неклессы. М. : ИНТЕЛПРОС. 288 с. С. 41–97.

Проект «Россия». Исследовательский доклад Группы «ИНТЕЛПРОС — Интеллектуальная Россия» (2012) // Русская идентичность. Дорога жизни / под ред. Д. Андреева, А. Неклессы. М. : ИНТЕЛПРОС. 288 с. С. 8–38.

Степанов, Ю. С. (1997) Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Школа «Языки русской культуры». 824 с.

Уткин, А. И. (2005) Вызов Запада и ответ России. М. : Эксмо. 608 с.

Федотова, В. Г., Колпаков, В. А., Федотова, Н. Н. (2008) Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М. : Культурная революция. 608 с.

Федотова, Н. Н. (2012) Изучение идентичности и контексты ее формирования. М. : Культурная революция. 200 с.

Федотова, Н. Н. (2013) Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 52–62.

Федотова, Н. Н. (2014) На пути к процессуальной теории идентичности // Философские науки. № 11. С. 70–81.

Шарнаускене, Т. В. (2012) Прецедент как феномен социокультурной реальности (социально-философский анализ) : автореф. ... дис. канд. филос. наук. М. 22 с.

Штёльцль, К. (2015) Одна территория, одна культура [Электронный ресурс] // ИноСМИ. 25 сентября. URL: <http://inosmi.ru/world/20150925/230450301.html> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 26.09.2015).

Bauman, Z. (2004) Identity: Conversation with Benedetto Vecchi. Cambridge, UK ; Malden, MA : Polity Press. 104 p.

Eisenstadt, S. N. (2003) The construction of collective identities and the continual reconstruction of primordality and sacrality — Some analytical and comparative indications // Comparative civilizations and multiple modernities : A collection of essays : in 2 vols. Leiden ; Boston : Brill. Vol. 1. 488 p. P. 75–134.

Franklin, S., Widdis, E. (2006) 'All the Russias...?' // National identity in Russian culture: An introduction / ed. by S. Franklin, E. Widdis. Cambridge ; New York : Cambridge University Press. 240 p. P. 1–8.

Giddens, A. (1991) Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age. Stanford, CA : Stanford University Press. 256 p.

Jenkins, R. (2004) Social identity. 2nd edn. L. ; N. Y. : Routledge. 218 p.

Nye, J. S. (2013) What China and Russia don't get about soft power. Beijing and Moscow are trying their hands at attraction, and failing — miserably [Электронный ресурс] // Foreign Policy. April 29. URL: <http://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power/> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 05.09.2015).

Rzhevsky, N. (2002) *Russian cultural history: Introduction // The Cambridge companion to modern Russian culture* / ed. by N. Rzhevsky. Cambridge ; N. Y. : Cambridge University Press. 372 p. P. 1–16.

Service, R. (2003) *Russia. Experiment with a people*. Cambridge, MA : Harvard University Press. 406 p.

Shils, E. (1957) Primordial, personal, sacred and civil ties: Some Particular observations on the relationships of sociological research and theory // *The British Journal of Sociology*. Vol. 8. No. 2. P. 130–145.

The invention of tradition (2000) / ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge ; N. Y. : Cambridge University Press. 320 p.

The Kristeva reader (1986) / ed. by T. Moi. N. Y. : Columbia University Press. 327 p.

Дата поступления: 26.09.2015 г.

CONCEPTUAL TOOLS FOR ANALYZING RUSSIAN CULTURE

N. N. FEDOTOVA

(MOSCOW STATE INSTITUTE OF INTERNATIONAL RELATIONS (MGIMO-UNIVERSITY))

At the moment, Russia is taking crucial steps to securing its future. At the same time, it is officially acknowledged that the cultural standard is dropping in the times of pervasive mass culture, cultural and symbolic forms of capital are lacking, and people are ignorant about the history of their country, its achievements and its globally renowned material and intellectual culture. This is true for everyday life and the public sphere, as well as for research which has not yet systematized the categorical mechanism of studying culture.

The article shows that the research methods and methodology of analyzing culture as a development resource have not been sufficiently studied. We provide analysis of the cultural resources of Russia's development, which have been estimated by means of a comprehensive study and by employing little-known and as yet little-used categories, such as 'cultural precedent phenomena', 'cultural and symbolic forms of capital', 'Russian identity as a process', 'codes of culture', 'constants of culture', and 'soft power'. In this article, we have attempted to conduct methodological analysis of these categories and systematize them.

We emphasize that the analyzed categories are interconnected and offer a chance to find a correlation between constructivist remaking of culture and preserving its fundamentals. Therefore, they can be viewed and used as a new set of tools for researching culture.

Keywords: cultural precedent phenomena; cultural capital; symbolic capital; Russian identity; identity as a process; codes of culture; constants of culture; soft power

REFERENCES

Bauman, Z. (2002) *Individualizirovannoe obschestvo* [The individualized society]. Moscow, Logos Publ. 390 p. (In Russ.).

Benhabib, S. (2003) *Pritiazaniia kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'noiu eru* [The claims of culture: Equality and diversity in the global era]. Moscow, Logos Publ. 350 p. (In Russ.).

Billington, J. H. (2001) *Ikona i topor. Opyt istolkovaniia istorii russkoi kul'tury* [The icon and the axe: An interpretative history of Russian culture]. Moscow, Rudomino Publ. 880 p. (In Russ.).

Danilova, E. N. and Yadov, V. A. (2004) Neustoichivaia sotsial'naia identichnost' stanovitsia normoi [Unstable social identity is becoming a norm]. In: *Sotsial'naia identichnost': sposoby kontseptualizatsii i izmereniia* [Social identity: Methods of conceptualization and measurement]: Proceedings of all-Russian methodological seminar / ed. by O. A. Oberemko and L. N. Ozhigova. Krasnodar, Kuban State University Publ. 303 p. Pp. 8–14. (In Russ.).

Inozemtsev, V. L. (2003) *Ispytanie kul'turoi* [The trial of culture]. In: Benhabib, S. *Pritiazaniia kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'noiu eru* [The claims of culture: Equality and diversity in the global era]. Moscow, Logos Publ. 350 p. Pp. VII–XXX. (In Russ.).

Krasnykh, V. V. (1997) Sistema pretsedentnykh fenomenov v kontekste sovremennykh issledovaniï [A system of precedent phenomena in the context of contemporary studies]. In: *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia* [Language, conscience, communication]: A collection of articles / ed. by V. V. Krasnykh and A. I. Izotov. Moscow, Filologïia Publ. Issue 2. 124 p. Pp. 5–12. (In Russ.).

Mnogolikaia globalizatsiia. Kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire [Many globalizations. Cultural diversity in the contemporary world] (2004) / ed. by P. Berger and S. Huntington. Moscow, Aspekt Press. 379 p. (In Russ.).

Nye, J. S. (2006) *Gibkaia vlast' : kak dobit' sia uspekha v mirovoi politike* [Soft power: The means to success in world politics]. Novosibirsk, Fond sotsio-prognosticheskikh issledovaniï «Trendy» [Foundation for Socio-Prognostic Research “Trends” Publ.], 221 p. (In Russ.).

Neklessa, A. I. (2012) Severnaia Romeia. Rassuzhdenie o russkoi identichnosti [Northern Byzantium. A discussion of Russian identity]. In: *Russkaia identichnost'. Doroga zbizni* [Russian identity. The road of life] / ed. by D. Andreev and A. Neklessa. Moscow, INTELROS Publ. 288 p. Pp. 41–97. (In Russ.).

Proekt «Rossiia». Issledovatel'skii doklad Gruppy «INTELROS — Intelktual'naia Rossiia» [Project “Russia”. A research paper by the INTELROS — Intellectual Russia Group]. (2012) In: *Russkaia identichnost'. Doroga zbizni* [Russian identity. The road of life] / ed. by D. Andreev and A. Neklessa. Moscow, INTELROS Publ. 288 p. Pp. 8–38. (In Russ.).

Stepanov, Yu. S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniia* [Constants. The dictionary of Russian culture. A study]. Moscow, School “Iazyki russkoi kul'tury” Publ. 824 p. (In Russ.).

Utkin, A. I. (2005) *Vyzov Zapada i otvet Rossii* [The challenge from the West and the response of Russia]. Moscow, EKSMO Publ. 608 p. (In Russ.).

Fedotova, V. G., Kolpakov, V. A. and Fedotova, N. N. (2008) *Global'nyi kapitalizm: tri velikie transformatsii. Sotsial'no-filosofskii analiz vzaimootnoshenii ekonomiki i obschestva* [The global capitalism: Three great transformations. A social and philosophic analysis of interactions between economy and the society]. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia Publ. 608 p. (In Russ.).

Fedotova, N. N. (2012) *Izuchenie identichnosti i konteksty ee formirovaniia* [Studying identity in the context of its development]. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia Publ. 200 p. (In Russ.).

Fedotova, N. N. (2013) Kontseptsii identichnosti v usloviakh nelineinnoi sotsiokul'turnoi dinamiki [The conceptions of identity in the context of nonlinear sociocultural dynamics]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 52–62. (In Russ.).

Fedotova, N. N. (2014) Na puti k protsessual'noi teorii identichnosti [Towards a process theory of identity]. *Filosofskie nauki*, no. 11, pp. 70–81. (In Russ.).

Sharnauskene, T. V. (2012) *Pretsedent kak fenomen sotsiokul'turnoi real'nosti (sotsial'no-filosofskii analiz)* [Precedent as a phenomenon of sociocultural reality (A socio-philosophical analysis)]: Abstract of a diss. ... Candidate of Philosophy. Moscow. 22 p. (In Russ.).

Stölzl, C. (2015) Odná territoriiá, odná kul'túra [One territory, one culture]. *InoSMI*. September 25. [online] Available at: <http://inosmi.ru/world/20150925/230450301.html> [archived in Web Cite] (accessed 26.09.2015). (In Russ.).

Bauman, Z. (2004) *Identity: Conversation with Benedetto Vecchi*. Cambridge, UK ; Malden, MA, Polity Press. 104 p.

Eisenstadt, S. N. (2003) The construction of collective identities and the continual reconstruction of primordiality and sacrality — Some analytical and comparative indications. In: *Comparative civilizations and multiple modernities* : A collection of essays : in 2 vols. Leiden ; Boston, Brill. Vol. 1. 488 p. Pp. 75–134.

Franklin, S. and Widdis, E. (2006) ‘All the Russias...?’. In: *National identity in Russian culture: An introduction* / ed. by S. Franklin and E. Widdis. Cambridge ; New York, Cambridge University Press. 240 p. Pp. 1–8.

Giddens, A. (1991) *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*. Stanford, CA, Stanford University Press. 256 p.

Jenkins, R. (2004) *Social identity*. 2nd edn. London ; New York : Routledge. 218 p.

Nye, J. S. (2013) What China and Russia don't get about soft power. Beijing and Moscow are trying their hands at attraction, and failing — miserably. *Foreign Policy*. April 29. [online] Available at: <http://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power/> [archived in WebCite] (accessed 5.09.2015).

Rzhevsky, N. (2002) Russian cultural history: Introduction. In: *The Cambridge companion to modern Russian culture* / ed. by N. Rzhevsky. Cambridge ; New York, Cambridge University Press. 372 p. Pp. 1–16.

Service, R. (2003) *Russia. Experiment with a people*. Cambridge, MA : Harvard University Press. 406 p.

Shils, E. (1957) Primordial, personal, sacred and civil ties: Some particular observations on the relationships of sociological research and theory. *The British Journal of Sociology*, vol. 8, no. 2, pp. 130–145.

The invention of tradition (2000) / ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge ; New York, Cambridge University Press. 320 p.

The Kristeva reader (1986) / ed. by T. Moi. New York, Columbia University Press. 327 p.

Submission date: 26.09.2015.

Федотова Надежда Николаевна — доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел России. Адрес: 119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76. Тел.: +7 (495) 434-94-26. Эл. адрес: nfedotova@rambler.ru

Fedotova Nadezhda Nikolaevna, Doctor of Sociology, Associate Professor, Department of Sociology, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University). Postal address: 76 Prospekt Vernadskogo, 119454 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 434-94-26. E-mail: nfedotova@rambler.ru